

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
9 (7 2)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 2

АРАБЫ У ГОМЕРА И ГЕРОДОТА

Упоминания об арабах в греческой и римской литературах уже давно привлекают к себе пристальное внимание исследователей. В качестве примера могут быть указаны труды О'Лири,¹ Ж. Рикманса² и Ткача.³ Однако сообщения греческих писателей об арабах и Аравии изучались, как правило, только в плане источниковедческом, причем обычно исследовались те сведения, которые были сохранены авторами эллинистическо-римского периода. Вопрос об арабо-греческих связях в первой половине I тысячелетия до н. э. поставлен Ж. Пиренн,⁴ однако она решает эту проблему на материале, не дающем оснований для тех категорических выводов, к которым пришла исследовательница, — на материале весьма спорных палеографических параллелей и произвольно толкуемых текстов Библии.⁵

При полном отсутствии соответствующего археологического материала⁶ единственным источником для исследования затронутой нами

¹ D. D. de Lacy O'Leary. Arabia before Muhammad. London, 1927.

² Ср., в частности: J. Rickmans. Petites royaumes sud-arabes d'après les auteurs classiques. Le Museon, LXX (1957), стр. 75—96.

³ Ткач. Saba (P.-W. RE).

⁴ J. Pirrenne. La Grèce et Saba. Paris, 1955. Ср. рецензию Н. В. Пигулевой: Проблемы востоковедения, 1959, № 6, стр. 186—190.

⁵ Слова יִרְן מְאִוִּל (Ezech., XXVII, 19) Ж. Пиренн без достаточных оснований толкует как „Иониец из Уззала“. (Сана). Если бы эта точка зрения была правильной, следовало бы ожидать написания מְאִוִּל (из מְאִוִּל). К тому же географическое наименование אִוִּל (Сана) не имеет обычно удвоенного ו (ср., например: Gen., X, 27). В некоторых рукописях подобную огласовку можно встретить и в рассматриваемом отрывке, однако это обстоятельство не может служить аргументом в пользу перевода Ж. Пиренн, поскольку такое написание было явным отступлением от масоретской традиции. Обращает на себя внимание, что в соответствующем отрывке Септуагинты, где дан другой вариант текста и назван географический пункт 'Αζήλ, видимо соответствующий Уззала (Сана), ионийцы не упомянуты. Таким образом, Библия в ее обоих изводах пребывание ионийцев в Южной Аравии не известно. В разбираемом тексте Иезекиила перед нами причастие породы пу"аль от глагола אָוַל (уходить, выходить, исчезать) и все сочетание означает „иониец, изгнанный“, что вполне соответствует эпохе составления пророчества. Ср., однако, אֲנַצִּיקְלוֹפֵדִיָּהּ, מְקִרְאִיָּהּ s. v. אִוִּל, где есть и литература вопроса.

⁶ W. v. Bissing. Südarabien, die Phöniker und Homer. Phil. Woch., XLVIII (1928), стр. 251—256. Ср.: R. Bower, W. F. Albright. Archeological Discoveries in South Arabia. Baltimore, 1958.

темы — греко-арабские связи — является нарративная античная традиция, тем более что арабские письменные памятники не содержат никаких данных на этот счет.

Связи Эгейского мира с Ближним Востоком восходят к глубокой древности. Установлено, в частности, что в середине II тысячелетия до н. э. греки вели постоянную и весьма оживленную торговлю с Угаритом, где, возможно, они имели собственный эмпорий.⁷ Контакт Эгеиды с Передней Азией был настолько тесен, что некоторые исследователи считают возможным поставить вопрос о микенском влиянии на искусство Сирии и Палестины, выделяя в нем „микенизирующие“ стили.⁸ Неудивительно поэтому, что в „Одиссее“ — одним из древнейших дошедших до нас памятников греческой литературы — мы встречаем краткое перечисление народов и стран Ближнего Востока. Мы имеем в виду следующий отрывок из „Одиссеи“ (IV, 81—85), где Менелай рассказывает о своих странствиях после взятия Трои:

ἦ γὰρ πολλὰ παθὼν καὶ πολλ' ἐπαληθεῖς
ἤγαγόμεν ἐν νηυσὶ καὶ ὀρθότατ' ἔτει ἦλθον·
Κύπρον Φοινίκην τε καὶ Αἰγυπτίους ἐπαληθεῖς,
Αἰθίοπας θ' ἰκόμην καὶ Σιδονίους καὶ Ἐρέμβους
καὶ Λιβύην.

„Ибо поистине много испытав и много объехав, плыл я на кораблях, и на восьмой год прибыл (на родину): Кипр, Финикию и египтян объехав, я посетил эфиопов, и сидонян, и эрембов, и Ливию“.

Поэт не ставил перед собой задачу описания быта и нравов упомянутых им народов, поэтому процитированный отрывок представляет собой лишь простое перечисление, причем, в отличие от иных частей поэмы, здесь упоминаются не мифические, но реально существовавшие территории и народности Восточного Средиземноморья: Кипр, Финикия, Ливия, египтяне, эфиопы и сидоняне. Об одних из них греки были осведомлены в результате непосредственного ознакомления (Кипр, Финикия, Египет), о других же они знали понаслышке (как, например, о Ливии). Упоминание эрембов в подобном контексте позволяет утверждать, что эрембы также отнюдь не мифическая, но реально существовавшая этническая группа.

В процитированном выше отрывке обращает на себя внимание то обстоятельство, что в первой своей части он отражает несомненно реальный маршрут экспедиций греческих мореплавателей второй половины II тысячелетия до н. э. — вдоль побережья Малой Азии через

⁷ F. H. Stubbings. *Mycenean Pottery from the Levant*. Cambridge, 1951; S. Segert. *Ugarit und Griechenland*. *Das Altertum*, 1958, № 2, стр. 67—80; S. A. Immerwahr. *Mycenean Trade and Colonization*. *Archaeology*, 1960, № 1, стр. 4—13.

⁸ H. J. Cantor. 1) *Syro-Palestinian Ivories*. *JNES*, 1956, № 3, стр. 153—174; 2) *Ivory Carving in the Mycenaean Period*. *Archaeology*, 1960, № 1, стр. 14—25.

Кипр в Финикию.⁹ Оттуда вполне возможным оказывалось дальнейшее плавание в Египет и далее в Эфиопию. Под Эфиопией, очевидно, имелись в виду территории южнее Египта. Вторая же часть отрывка — это достаточно беспорядочный обзор, в котором, во-первых, имеется явное повторение (сидоняне, что соответствует предшествовавшему — Финикия) и, во-вторых, отсутствует логическая связь с предшествующим маршрутом. Здесь, в частности, упоминается Ливия, о реальном местонахождении которой ко времени составления поэмы греки сведений не имели. Геродот (IV, 150) рассказывает, что греки — жители острова Феры, получив повеление Дельфийского оракула основать город в Ливии (*κτίσειν ἐν Λιβύῃ πόλιν*), не смогли первоначально это сделать, так как, в частности, не знали, где Ливия находится (*οὔτε Λιβύῃ εἰδότες ὅκου γῆς εἶη*). Отсюда следует, что поэт, упомянувший эрембов между сидонянами и Ливией, мог и не знать, где реально жили эрембы; во всяком случае, нет каких-либо оснований утверждать, что эрембы были соседями сидонян, хотя полностью отрицать такую возможность мы и не можем.

Не исключена возможность и отождествления эрембов с какой-либо ранее упомянутой этнической группой, хотя это следует признать маловероятным.

В современной историко-филологической литературе высказывалась точка зрения, согласно которой под эрембами греческий эпос имел в виду либо евреев, арамеян и арабов в их совокупности, либо только арамеян. В последнем случае предполагается, что в основе греческого *Ἐρεμβού* лежит семитическое **עַרְמִי**, подвергшееся некоторой „грецизацией“.¹⁰ Некоторые исследователи вообще отказывались от каких-либо попыток отождествления эрембов, полагая, что в данном случае перед нами плод фантазии поэта.¹¹

Однако более вероятным представляется иное решение вопроса, основывающееся на толковании интересующего нас слова в трудах античных комментаторов Гомера, а также древних географов. Было обращено внимание¹² на то, что, по сообщению Страбона (XVI, 3, 27), александрийские ученые, изучавшие и толковавшие древний героический эпос, полагали, что речь в разбираемом отрывке шла об арабах. Такого мнения, например, придерживался Зенон, давший в своем издании „Одиссеи“ следующее чтение: *Λιβιοπᾶς θ' ἰχώμην καὶ Σιδονίους Ἀραβίς τε*. К аналогичному выводу склонялся и Посейдоний, один из крупнейших греческих географов дострабоновского времени.

Со своей стороны мы позволим себе указать на следующее. В анналах ассирийских царей арабы обычно обозначаются термином *aribi*,¹³

⁹ Ср.: Н. L. Lorimer. *Homer and the Monuments*. London, 1950, стр. 52 и сл.

¹⁰ Ткач. *Eremboi* (P.-W. RE).

¹¹ Н. L. Lorimer, ук. соч., стр. 94.

¹² Ср.: Ткач. *Eremboi* (P.-W. RE).

¹³ D. D. de Lacy O'Leary, ук. соч., стр. 51 и сл.

который применяется в собственном смысле слова к кочевникам пустыни и полностью соответствует арабскому **أَعْرَبِيّ** (мнж. число **عَرَبٌ**). В еврейском языке корень **עֲרַב** мог иметь следующие значения: быть сухим, быть бесплодным, откуда имя **עֲרֵבָה** — „пустыня“ (Jes., 33, 3; Jer., 2, 6; Deut., 2, 8 и т. д.) и гентилиций **עֲרָבִי** — „араб“ (Jes., 13, 20; ср. Neh., 2, 19: **עֲרָבִי**). Однако наряду с этим в Библии встречаются и иные обозначения арабов. В одном месте (I Reg., 10, 15) упоминаются **מְלִכֵי הָעֲרָב**, чему в параллельном тексте (II Chron., 9, 14) соответствует **מְלִכֵי עֲרָב**; слово же **עֲרָב** имеется в книге Иезекиила (Ezech., 27, 21), где оно означает жителей Арабской пустыни. Исходя из сказанного, выражение **מְלִכֵי הָעֲרָב** можно было бы перевести как „цари арабов“. ¹⁴ Слову же **עֲרָב** — „арабы“ (слово **עֲרָב** — *plurale tantum*) должно соответствовать греческое *¹⁵Ερεβος (мнж. число *¹⁵Ερεβοι), откуда под влиянием созвучного греческого ἔρημος — „пустынный“ могла появиться форма ¹⁵Ερεμβοι — „люди пустыни“, „арабы“. Само название в указанной огласовке могло быть заимствовано греками у финикийцев.

Гипотетически восстанавливаемая форма *¹⁵Ερεβος представляет значительный интерес для разработки грамматики финикийского языка. Обычно предполагается, что в финикийском языке так называемые сеголятные имена типа *qatī, *qitīl и *quṭl сохраняли свою односложную форму. ¹⁵ Однако не исключено, что в некоторых финикийских диалектах после исчезновения падежных окончаний сеголятные имена приняли двусложную форму, близкую по звучанию к соответствующему еврейскому эквиваленту.

Переход формы *¹⁵Ερεβοι в ¹⁵Ερεμβοι под влиянием ἔρημος является несомненно примером осмысления иноязычного собственного имени с точки зрения греческого языка, примером народной этимологии. Подобные явления часто встречаются в греческой литературе; укажем, например, на то, что имя карфагенского эпического героя (или героев — имелось два варианта предания), установившего границу между Карфагенской державой и Киреной, было осмыслено греками как Φιλαινός, чему в одном позднем трактате мы находим „ученое“ объяснение: a laudis cupidine, — тогда как фактически имя несомненно происходит от корня פִּלַּח פִּלַּח (отделять), а сама легенда носит явно выраженный этиологический характер. ¹⁶ Число подобных примеров можно было бы без труда увеличить. ¹⁷

¹⁴ Ср.: Gesenius—Buhl, s. v. **עֲרָב**.

¹⁵ J. Friedrich. Phönizisch-punische Grammatik. Roma, 1951, стр. 86.

¹⁶ И. Ш. Шифман. Объединение финикийских колоний в Западном Средиземноморье. ВДИ, 1960, № 2.

¹⁷ Ср., например: Г. Х. Саркисян. Тигранакерт. М., 1960.

Все сказанное позволяет признать вероятным, что, говоря об эрембах, Гомер имел в виду арабов, и, если так, то перед нами древнейшее упоминание об арабах в греческой литературе. Контекст Гомера и явное искажение этникона показывают, что ко времени возникновения „Одиссеи“ у греков отсутствовали еще ясные представления об арабах и о месте их обитания. Непосредственно с арабами греки в тот период еще не сталкивались; поэт воспользовался сведениями, дошедшими до него через третьи руки, полученными от финикийян.

В дальнейшем, после установления непосредственного контакта греков с арабами, в греческом языке получили распространение этникины *'Αραφ* и *'Αράβιος*, значение же гомеровского *'Ερεμβοι* было утрачено.

В первой половине I тысячелетия до н. э. контакты между Грецией и Ближним Востоком значительно возросли. Финикийяне вели интенсивную торговлю в Эгейском бассейне, колонизовали ряд островов этого района (ср.: Thuc., I, 8; Herod., VI, 47); ряд знатных финикийских родов переселился в Грецию и там постепенно эллинизировался (Herod., I, 170, V, 57; Diog. Laert., I, 22; ср.: Plut., De Herod. malign., 23). Значительное влияние оказали финикийяне на развитие греческой культуры: греческий алфавит, несомненно, ведет свое начало от финикийского письма (ср.: Herod., V, 58); так называемый „ориентализирующий“ стиль расписной керамики возник под непосредственным влиянием финикийского искусства (здесь имело место, очевидно, обратное влияние микенизирующего ханнаанейского искусства на греков); финикийяне знакомили греков со многими достижениями тогдашней науки.

Наряду с этим и греки все глубже проникали в ближневосточный мир. Уже в IX—VIII вв. греки имели значительную торговую колонию Посидонию на средиземноморском побережье Сирии, в районе современного Аль-Мина.¹⁸ Хорошо известно, что греческие наемники участвовали в походах египетских фараонов Саисской династии; памятником их действий является архаическая греческая надпись из Абу-Симбел (Ditt., Sylloge, I, № 1). Служили греки наемниками и в войсках вавилонян (Alcaeus, Ad Antim., Bergk, Poëtae Lyrici Graeci, 2, 1868). Рассказы этих бывалых людей, купцов и воинов, о народах Востока, об их своеобразной культуре и обычаях несомненно были широко известны в Греции. Возможно, они оказали заметное влияние на формирование греческой традиции об Ассирии и Египте, нашедшей свое отражение в Ассирийском и Египетском „логосах“ Геродота. Не исключено, что они приносили в Грецию и известия об арабах.

Большое значение в ознакомлении греческого мира с Востоком имело путешествие Геродота по Персидской державе. Геродот собрал значительный материал по истории и культуре различных стран и народов Ближнего Востока в V в. до н. э., в том числе и арабов.

¹⁸ Ср.: L. Woolley. A Forgotten Kingdom. London, 1959, стр. 153 и сл.; J. du Plat Taylor. The Cypriot and Syrian Pottery from al-Mina. Iraq, XXI (1959), 1, стр. 62—92.

Те сведения об арабах, которые собраны в известном историческом труде Геродота, до настоящего времени, насколько нам известно, не подвергались всестороннему детальному рассмотрению. Между тем они представляют значительный интерес.

Свои историко-этнографические экскурсы типа Египетского, Ливийского или Скифского „логоса“ Геродот обычно связывает с соответствующими разделами своего главного повествования. В этих экскурсах Геродот основное внимание обращает на „удивительные“, иными словами — на непривычные для эллина обычаи и нравы тех народов, о которых он повествует.¹⁹ Замечания писателя об арабах в этом смысле не являются исключением.

Весьма важный вопрос об источниках и степени достоверности исторического труда Геродота вряд ли может быть при современном состоянии источников решен окончательно применительно к Аравийскому „логосу“. Как известно, в общем источниками писателя служили, во-первых, его личные наблюдения, во-вторых, сведения, почерпнутые им из устных рассказов его осведомителей, и, в-третьих, сочинения его предшественников, например Гекатея.²⁰ В настоящее время не стоит вопрос о личной добросовестности Геродота: общепризнано, что он точно излагал имевшиеся в его распоряжении сведения. Сказанное не значит, однако, что эти сведения безусловно достоверны. Последнее понимал уже и сам Геродот, пытавшийся критически осмыслить те материалы, которые были им почерпнуты из вторых рук. Его принципиальная установка изложена в известном тезисе, гласящем, что он обязан точно воспроизводить все слышанное, но верить всему не обязан (VII, 152).

Какими же источниками об Аравии и ее населении мог Геродот воспользоваться? В одном месте (II, 75) историк сообщает, что он побывал в Аравии — в стране ($\chi\acute{\alpha}\rho\omicron\varsigma$), расположенной около города Бутос ($\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ Βουτοῦν πόλιν), чтобы осведомиться о летающих змеях. Таким образом, одним из источников Геродота являлось личное наблюдение. О литературных источниках Геродота по этому вопросу мы не осведомлены; весьма вероятно, что некоторые сведения нашего автора восходят к Гекатею, однако прямыми ссылками на это произведение в интересующих нас отрывках мы не располагаем. Косвенно в пользу нашего предположения свидетельствует ссылка у Стефана Византийского (St. Byz., s. v.): $\text{Καρταρηνοί· νῆσοι Ἀραβίων. Ἐκαταῖος ἐν Περιηγήσει}$. Иными словами, Гекатей включил в свое „Землеописание“ какие-то сведения об арабах; Геродот, как известно, широко пользовался, произведением Гекатея, черпая из него разнообразный историко-геогра-

¹⁹ Специально эпиграфические экскурсы Геродота исследованы: A. Grassl. Herodot als Ethnologue. Sulzbach, 1904.

²⁰ Подробно: Iacobu. Herodotus (P.-W. RE); ср.: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 310 и сл.; С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 99 и сл.

фический материал. Важным источником сведений Геродота, очевидно, являлась устная информация. Можно предполагать, что свои сведения о южных арабах галикарнасский историк заимствовал из рассказов арабских купцов, которых он мог встретить в Северной Аравии, Египте, Палестине и Финикии. На свдетельство арабов Геродот прямо ссылается в отрывке III, 108. Возможно, что некоторые рассказы Геродота об арабах восходят к преданиям, имевшим хождение среди египтян, финикиян или вавилонян.

Связный рассказ Геродота об арабах мы находим в отрывке III, 107—113, где излагаются применявшиеся арабами способы добычи благовоний и сведения о распространенной у арабов породе овец. Однако наряду с этим сведения об арабах имеются и в других частях его исторического труда, где они представляют собой замечания ad locum. Так, рассказав о вавилонском обычае ритуального очищения супругов, Геродот добавляет: „Это же самое делают и арабы“ (I, 198). Хотя подобные замечания внешне слабо связаны между собой, будучи сведенными воедино, они показывают, что сведения Геродота об арабах охватывают весьма широкий круг тем. В частности, мы имеем данные о географическом положении арабов (IV, 39; II, 8; II, 11), об их обычаях (I, 199; III, 7—9), ремесле и торговле (III, 107—113; VII, 69 и 86) и об их взаимоотношениях с персами (III, 7—9; 88; 91; 97). Сказанное позволяет предполагать, что во время работы над своею книгой Геродот располагал какой-то сводкой данных об арабах, которою он пользовался по мере необходимости. Причины, по которым Геродот отказался от включения в свой труд очерка, посвященного арабам, не ясны.

Собственно географические сведения об арабах, сообщаемые Геродотом, незначительны. В отрывке II, 8 речь идет об Аравийской пустыне в Египте (*Ἀραβίης ὄρος*) выше Гелиополя; там, по сообщению нашего автора, находились каменоломни, где добывался камень для постройки пирамид. Это сообщение вряд ли имеет отношение непосредственно к Аравии; возможно, что свое название пустыня получила вследствие своего географического положения — в направлении к Аравийскому полуострову. Дальнейшие сведения касаются Аравийского залива; Геродот (II, 11) сообщает, какова его ширина (полдня плавания в самом широком месте) и длина (сорок дней плавания). Этот залив поставлен в связь с Эритрейским морем; по-видимому, Аравийский залив должно отождествить с современным Красным морем, а Эритрейское море — с той частью Индийского океана, которая омывает Аравийский полуостров. Наконец, в отрывке IV, 39 мы находим указание на то, что арабы живут вблизи Аравийского залива.

Сведения об обычаях арабов у Геродота также сравнительно невелики. В частности, как уже отмечалось выше, мы находим указание о ритуальном очищении супругов. Весьма подробно изображает Геродот обряд заключения договора (III, 8). Ввиду важности текста мы

позволим себе привести его целиком: „Арабы же почитают (σέβονται) договор (πίστις) больше, чем другие люди. Совершают же они их следующим образом. Когда хотят заключить договоры (τὰ πιστὰ ποιέεσθαι), другой муж, встав между ними обоими, острым камнем надрезает ладони (τὰ ἔσω τῶν χειρῶν) возле больших пальцев у заключающих договор и затем, взяв из одежды каждого нитку, окропляет кровью семь камней, положенных посредине; совершая же это, он призывает Диониса и Уранию. По завершении этого тот, кто заключает договор, ввергает чужеземца (τὸν ξεῖνον) или согражданина (τὸν ἄστών), если совершает с согражданином, покровительству друзей (τοῖσι φίλοις); друзья же и сами считают необходимым почитать договоры священными. Из богов же, как они считают, существуют только Дионис и Урания, и говорят, что они подстригают волосы так, как подстригает сам Дионис; стригутся же они в кружок вокруг висков. Называют же они Диониса Ороталт (Ὀροτάλτ), а Уранию — Алилат (Ἀλιλάτ)“.

В процитированном отрывке представляет интерес прежде всего противопоставление чужеземца (τὸν ξεῖνον) согражданину (τὸν ἄστών), причем внимание привлекает в особенности последний термин. Как известно, термин τὸ ἄστω не имел в произведениях классических авторов „политического“ содержания; иными словами, он не обозначал какого-либо государственного образования, чем и отличался от другого понятия — ἡ πόλις. Τὸ ἄστω — это обычно город в собственном смысле слова, противопоставленный сельской местности; ὁ ἄστός поэтому — житель города, горожанин. Употребление в нашем тексте этого термина вместо обычного ὁ πολίτης может обозначать, что арабские поселения не были полисами и что организация, хотя бы отдаленно напоминавшая античный город-государство, у арабов отсутствовала.

Примечательно, что гарантами договора выступали „друзья“ (φίλοι) заключивших договор. Это обстоятельство вместе с архаичностью договорного обряда свидетельствует о примитивности общественного строя в ту эпоху, когда вырабатывался обряд. Очевидно, тогда еще отсутствовала публичная власть, отделенная от общества, которая могла бы принудить то или иное лицо выполнять договорные обязательства. Такие функции выполняло само общество. Иными словами, можно предполагать, что у арабов в указанный период не существовало государства. Однако сказанное не означает, что у арабов государство отсутствовало еще в середине I тысячелетия до н. э. Необходимо учитывать, что религиозные обряды, подобные тому, который изображен Геродотом, обычно архаичны и отражают пережитки первобытно-общинного строя в большей степени, чем какие-либо иные общественные установления. Таким образом, анализируемый текст свидетельствует о сохранении в середине I тысячелетия до н. э. у арабов значительных пережитков первобытно-общинного строя.

Весьма важны также сообщаемые Геродотом сведения об арабской мифологии. Бросается в глаза подчеркнутое Геродотом указание, что,

по мнению арабов, существуют только два божества — Урания и Дионис. Если это достоверно, то из сказанного следует, что представления о триаде богов у арабов развились значительно позднее. Урания-Алилат — несомненно богиня неба, — вероятно, тождественна арабской *آلائة* (параллель этому собственному имени в мужском роде — *الله*), Богиня Илат упоминается в сафаитских, самудских, а также в лихьянских надписях; как отмечает Ж. Рикманс,²¹ она тождественна с упоминаемой в Коране богиней ал-Лат (III, 19—21), храм которой находился в Та'ифе. Функции этого божества по данным арабских источников не ясны. В одной из набатейских надписей²² она именуется „матерью богов“. Это обстоятельство наряду с именем богини указывает, что она занимала одно из ведущих мест в арабском пантеоне. В некоторых поздних текстах²³ богиня al-Shahat, которая, вероятно, тождественна богине al-Plat соотв. al-Lat, выступает как солнечное божество. Однако у северных арабов богиня ал-Илат выступает в функции звездного божества — Венеры, соответствующей мужскому божеству Аттар южной Аравии.²⁴ Все имеющиеся данные позволяют выявить эволюцию представлений арабов об ал-Илат. Древнейшее свидетельство на этот счет — указание Геродота — неопровержимо, на наш взгляд, показывает, что первоначально она считалась богиней неба. В противном случае наш автор отождествил бы ее, конечно, не с Уранией, а с иным представителем греческого Олимпа. В дальнейшем, однако, у одной из групп арабских племен она приобрела черты богини солнца, а у другой — черты звездного божества.

Гораздо сложнее вопрос об отождествлении божества Ороталт. Возможно, что это имя следует связать с именем древнеарабского божества Руда. Ю. Велльгаузен²⁵ отмечает теофорное имя *عبد روض*. Согласно Ибн ал-Кальби,²⁶ Руда была божеством племени Бану Раби“а. Ж. Рикманс²⁷ указывает, что Руда была звездным божеством, известным по пальмирским, сафаитским и самудским источникам. То обстоятельство, что у Геродота Ороталт отождествляется с мужским божеством, само по себе не говорит против нашего предположения: информаторы Геродота могли дать ему не вполне точные сведения. В пользу сказанного свидетельствует окончание *-t*, которое характерно именно для женского рода. Имя Ороталт возникло, быть может, из арамеизированного арабского **الرضا* *آلة*.²⁸

²¹ G. Ryckmans. Les religions arabes préislamiques. Louvain, 1951, стр. 14—15; J. Wellhausen. Reste arabischen Heidentums. 1927, стр. 29—34.

²² De Vogüé. Syrie Centrale. Paris, 1860—1877, стр. 100 и сл., № 8.

²³ J. Wellhausen, ук. соч., стр. 33.

²⁴ G. Ryckmans, ук. соч.

²⁵ J. Wellhausen, ук. соч., стр. 3.

²⁶ Там же, стр. 58—59.

²⁷ G. Ryckmans, ук. соч., стр. 18.

²⁸ Ср.: CIS, II, 218 и комментарий Кука (G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions. Oxford, 1903, № 92, ad locum).

Если эта гипотеза справедлива, то из нее следует ряд важных выводов. Первое: то арабское племя, о котором говорил Геродот, было либо непосредственно племенем Бану Раби^а, либо предком этого племени. Второе: отождествление божества Ороталт (соотв. Руда) с Дионисом — земледельческим божеством, покровителем виноделия — показывает, что в жизни племени, о котором пишет Геродот, земледелие, и в частности виноделие, играло заметную роль, что в древнейшем пантеоне арабов Руда являлась покровительницей земледелия, — что, конечно, не мешало ей иметь одновременно или приобрести впоследствии функции звездного божества.

Значительно более подробные и более ясные сведения мы находим у Геродота о политической жизни арабов в современную ему эпоху. Необходимо, правда, оговориться, что галикарнасского историка интересовали главным образом северные арабы.

Примечательно, что у Геродота в одном месте (II, 141) Сеннахериб назван царем арабов и ассирийцев. Это упоминание у Геродота показывает, что в египетской традиции, к которой, очевидно, восходят в данном случае сведения информаторов Геродота, сохранились воспоминания о подчинении арабов ассирийским завоевателям.

Свидетельства Геродота показывают, что после падения Ассирийской державы арабы играли заметную роль в политической жизни Ближнего Востока. В этой связи представляет интерес применяемая Геродотом терминология. Главу арабской политической организации Геродот называет термином βασιλεύς (ср. III, 4; правда, наряду с этим правитель арабов часто именуется ὁ Ἀράβιος, ср. III, 5 и 7). Термином βασιλεύς Геродот, как правило, обозначал наследственную монархическую власть, которая не совпадает с властью племенного вождя. В особенности интересно в этой связи подчеркнуть, что, отмечая наследственный характер власти карфагенских династов Магонидов, Геродот именует одного из них βασιλεύς κατ' ἀνδραγαθίην (VII, 66). Правда, добавление κατ' ἀνδραγαθίην должно свидетельствовать о том, что власть Магонидов не была „законной“ в полном смысле этого слова. Сравнение с библейским уже цитировавшимся выше מַלְכֵי הָעָרֹב показывает, что Геродот и его информаторы предельно точно передавали существовавшую у арабов терминологию.

Все сказанное позволяет высказать предположение, что во времена Геродота у восточных границ Египта складывалось североарабское государство, очевидно, предшественник эллинистической Набатеи во главе которого стоял царь. Политическое значение этого государства определяется тем фактом, что, согласно сообщению Геродота (III, 5), расположенные на морском побережье торговые базы (τὰ ἐμπόρια τὰ ἐπὶ θαλάσσης) между городами Кадитий и Иенис принадлежали арабскому царю (ἔστι τοῦ Ἀραβίου). Столь благоприятное положение давало последнему возможность контролировать южноарабскую торговлю со странами Средиземноморского бассейна, а наряду с этим оказывать свое воздействие на торговлю Египта с Передней Азией.

По-видимому, Арабское государство располагало значительными военными силами; по сообщению Геродота (III, 7), Камбиз не решился силой прорваться через владения арабов в Египет, предпочтя обратиться к арабскому царю с соответствующей просьбой и заключить с ним договор о союзе.

Геродот дважды (III, 88 и 91) подчеркивает, что арабы не были подданными персидских царей. „Арабы же, — читаем мы в отрывке III, 88, — никогда не подчинялись по-рабски (ἐπί δουλοσύνη) персам, но стали их друзьями (ξείνοι), сопровождая Камбиза против Египта“. И далее там же Геродот отмечает, что без поддержки арабов персы не могли бы вторгнуться в Египет. В другом месте (III, 91) указывается, что земли, принадлежащие арабам, были свободны от внесения податей в персидскую казну (τὰυτα γὰρ ἦν ἀτελέα). Использование термина ξείνοι показывает, что арабы выступали по отношению к персам как союзники, сохранявшие свою внутреннюю автономию, хотя участие арабской верблюжьей кавалерии в походе Дария I на Грецию (ср. VII, 69, 86 и 89) свидетельствует о том, что полной независимостью от персов арабы не располагали.

Интересные данные имеются у Геродота и о воинской организации арабов. Как можно заключить из уже отмечавшихся выше сообщений нашего историка, основной военной силой арабов была верблюжья кавалерия. По его мнению, верблюды по скорости бега не уступали лошадям. Воины-арабы были одеты в подпоясанные плащи и вооружены длинными луками. Вероятно, основной контингент воинов составляли свободные кочевники.

Сведения Геродота о южных арабах в значительной степени отличаются от его сообщений о северных арабах. Здесь мы находим сравнительно мало достоверных указаний, что объясняется несомненно слабой осведомленностью тех, у кого Геродот мог рассчитывать на получение необходимой информации. В то же время мы обнаруживаем здесь явно сказочные сюжеты; последние, вероятно, следует отнести за счет рассказов южноарабских купцов (ср. III, 108), стремившихся отпугнуть от источников своих товаров чужеземцев, как это делали в подобных случаях и карфагеняне. Все же сказанное свидетельствует об отсутствии в VI—V вв. непосредственных контактов греков с южными арабами.

Поражает читателя полное отсутствие сведений о политической организации Южной Аравии. Имеется единственное указание — на то, что арабы ежегодно дарили персидскому царю 1000 талантов ладана (III, 97). Из этого указания следует, очевидно, что южные арабы политически были независимы от персидского царя, являясь его союзниками.

Южная Аравия выступает у Геродота как страна, где произрастают деревья, дающие драгоценные благовония — ладан, смирну, кассию и кинамон (III, 107), и соответственно как поставщик благовоний. При-

влекает внимание указание Геродота (III, 107), согласно которому поставщиками арабской стираксы в Грецию были финикияне. Это свидетельство позволяет нам представить себе торговые пути и связи VI—V вв.: благовония доставлялись арабами из Южной Аравии в финикийские гавани, где перекупались финикиянами, распространявшими их в странах Средиземноморского бассейна. Отметим, кстати, что о торговле арабов благовониями свидетельствует и библейская традиция. В книге Бытия (XXXVII, 25) рассказывается о караване измаильтян (т. е. арабов), которые везут в Египет стираксу, бальзам и ладан. В пророчестве Иезекиила (XXVII, 21—22) о Тире указывается, что арабы вели в Тире обмен мелкого скота — ягнят, баранов и козлов, а купцы из Сабы доставляли в Тир благовония, драгоценные камни и золото, а также дорогие ткани (см. стихи 23—24).

Рассказы Геродота о методах добычи арабами благовоний (III, 107—112) носят несомненно сказочный характер.²⁹ В нашем обзоре укажем только, что, очевидно, именно к Геродоту восходит традиция греческой литературы, согласно которой Аравия часто являлась ареной действия фантастических повествований.

В дошедших до нас трудах греческих писателей первой половины IV в. мы находим лишь случайные и отрывочные упоминания об арабах. У Ксенофонта, в частности, подробно описывается животный мир Аравийской пустыни (Xenoph., Anab., I, 1, 5) и рассказывается о разгроме и покорении Киром арабов (Xenoph., Сугор. I, 1, 4; VII, 4, 16). В „Киропедии“ же (I, 5, 2; IV, 2, 31) имеются сведения о наличии у арабов царской власти. О степени достоверности рассказа о покорении Киром арабов трудно сказать что-либо определенное; отметим только, что „Киропедия“ содержит немало сведений, являющихся плодом творчества ее автора, и следовательно этот материал нуждается в подтверждении другими, более надежными источниками, которыми мы пока не располагаем. Более достоверны, вероятно, сведения Ксенофонта о составе арабского войска (Сугор., II, 1, 5), в которое, по его словам, входили всадники (*ἵππίας*).

Имелись сведения об арабах и в перипле псевдо-Скилака, однако именно та часть его, где речь шла об арабах, дошла до нас в поврежденном состоянии (см.: GGM, I, стр. 79—80). Насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, автор перипла отмечал границы Аравии. Самих арабов он рисовал как кочевой пастушеский народ, владеющий стадами овец, коз и верблюдов. Интересно указание о том, что египтяне постоянно платили дань (*φέρος*) арабам; по-видимому, речь идет о жителях прилегающих к пустыне египетских поселений, которые регулярными платежами пытались застраховать себя от набегов „азиатов“.

²⁹ Ср.: В. Клингер. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903, стр. 83 и сл.; см. также: D. H. Müller. Arabia (P.-W. RE); Мюллер возводит эти предания к рассказам сабейских купцов.

DIE ARABER BEI HOMERUS UND HERODOTUS

In dem Aufsatz ist ein Kommentar zu denen Stellen bei Homerus und Herodotus, wo die Araber genannt sind, gegeben. Die ἄραβες des Homerus (Odys., IV, 81—85) sind Araber. Der Ἀραβικὸς λόγος des Herodotus enthält verschiedene Nachrichten über die geographische Lage (IV, 39; II, 8; II, 11), Sitten (I, 198; III, 7—9), Handwerk und Handel (III, 107—113; VII, 69 und 86) der Araber, sowie über ihren Beziehungen zu den Persen (III, 7—9, 88, 91, 97).
